

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Вопрос о возникновении рода. Дуальная организация и фратрии. Экзогамия и групповой брак. Возникновение матриархата. Парный брак и пережитки группового брака. Заключение брака и развод. Материнская семья и материнский род. Патриархат. Неравномерность развития в первобытном обществе. Возникновение моногамии. Похищение женщин. Свадьба. Большая патриархальная семья. Патронимии. Патриархальный род. Междуплеменные отношения. Гостеприимство. Возникновение обмена.

Как нам пришлось в своем месте лишь упомянуть, мощный подъем производительных сил, получивший столь яркое выражение в ориентиро-солютрейской культуре, ознаменовался и глубоким преобразованием первобытного общества. Новая техника, новые условия хозяйства потребовали и нового, прочного, хорошо сплоченного хозяйственного и общественного коллектива. Форму и связь, объединившую этот коллектив, дало естественное родство. На смену непостоянному, легко распадающемуся первобытному стаду возник *род* или *родовая община*. С тех пор и на всем протяжении первобытной истории, далеко заходя в последующие формации, родственная связь оставалась мощной общественной силой.

Вопрос о том, как возник род, — очень сложный. Это в сущности единственный до сего времени не разрешенный большой вопрос первобытной истории. Ряд соображений приводит к следующей гипотезе. Род возник из превращения первобытного стада, которое разделилось на две половины, две родственные группы. Отсюда самая начальная форма родового строя представляет собой два рода, составляющие вместе одно племя. Такая структура раннего родового общества получила название *дуальной* (от латинск. *duo*, «два») *организации*. Изложенная гипотеза основывается на ряде этнографических данных. Прежде всего, существует ряд отсталых племен, например, некоторые австралийцы и меланезийцы, у которых и сейчас все племя состоит только из двух «половин», как бы из двух родов. Структура многих других племен сводится к тому, что племя распадается опять-таки на две половины, а каждая половина состоит из двух, четырех и пр. родов. Эта структура получила название системы *фратрий* (от латинск. *frater*, «брать», фратрия — «братьство»; так именовались архаические общественные деления, пережиточно сохранившиеся в древнем Риме).

Классический образец фратриальной организации дает индейское племя сенека-йрокезов. Здесь все племя распадается на две фратрии, каждая

из которых состоит из четырех родов. И фратрии, и роды носят особые названия, а именно:

Фратрия Медведь		Фратрия Олень	
Р о ды:	1. Медведь	1. Олень	
	2. Волк	2. Кулик	
	3. Бобр	3. Цапля	
	4. Черепаха	4. Ястreb	

Предание сенека-ирокезов говорит о том, что Медведь и Олень были двумя начальными родами, остальные же возникли в результате их разделения. Об этом говорит и наименование фратрий, совпадающее с названием первого рода каждой фратрии. Каково происхождение и значение этих названий — будет объяснено ниже.

Таким же образом многочисленные другие примеры могут засвидетельствовать, что начальное деление на две половины, или два рода, развивается во фратриальную систему, в которой каждая фратрия состоит из двух, четырех и т. д., во всяком случае, четного числа родов. Конечно, у многих современных племен и народностей эта первобытная организация уже утратила такую целостность и отчетливость. Отдельные роды вымерли или смешались с другими и поэтому одна или обе фратрии состоят сейчас уже из неодинакового и нечетного числа родов. С дальнейшим развитием родового строя это примитивное дуальное, или фратриальное, разделение отмирает и тогда племя состоит просто из большего или меньшего числа родов. Но пережитки или следы этой начальной структуры замечательным образом сохраняются надолго, отражаясь в исторической традиции многих развитых народов. Таковы предания о разделении древнего Египта на две «страны» и сорок номов (родов), по двадцать в каждой «стране», о происхождении китайского народа от ста начальных родов, о разделении древних евреев на двенадцать «колен» («коленом», или «поколением», часто называется род), древних афинян — на четыре филы, состоявших каждая из четного числа родов, и т. д.

Возникновение родового строя в форме дуальной организации тесно связано с новым этапом в развитии брака. Если мы вспомним, брак в стадном периоде, развиваясь от начального промискуитета, испытал только одно ограничение: из брачного общения были исключены восходящие и нисходящие поколения. Существеннейшую и важнейшую черту дуальной организации составляет то, что при ней брак может заключаться только между членами двух половин, или фратрий, тем самым только вне их пределов. Иначе говоря, муж и жена должны всегда принадлежать к разным половинам — фратриям, или к одному из родов этих фратрий. Этот порядок был назван *экзогамией* (латинск. *ex*, «вне», греч. *gamos*, «брак»). При таких условиях брак испытывает новое ограничение, присоединяющееся к уже существующему, — в брак не могут вступать братья и сестры. Сам по себе брак на данной стадии, очевидно, представлял собой еще лишь случайное, эпизодическое соединение мужчины и женщины. Поскольку здесь целая группа мужчин, т. е. все мужчины одной половины, или фратрии, могла быть эпизодически мужьями целой группы женщин, т. е. всех женщин другой половины, или фратрии, эта историческая форма брака была названа *групповым браком*. Указанный характер данной формы брака предопределяет то, что отец остается совершенно неизвестным, а известна только мать. Надо сказать к тому же, что первобытный человек данной эпохи не мог еще иметь понятия о связи между половым общением и рождением ребенка. Некоторые австралийские и меланезийские племена остаются в неведении по этому вопросу и как зачатие, так и рождение объясняют иным, фантастическим образом.

При таких условиях, при том, что отец всегда принадлежит к другой, чем мать, группе, т. е. к другому хозяйственному коллективу, что во

всяком случае отцовство в общественном смысле не осознается и никакой в этом отношении роли не играет,— вся дуальная система, т. е. половины, или фратрии и роды, группируется вокруг женщин-матерей, каждая такая группа состоит из потомков женщины, и родство идет по женской, а не по мужской линии. Таким образом, род возник как материнский род и вместе с тем возникла та фаза в развитии родового общества, которая имеется *матриархатом* (греч. *mater*, «мать», *arché*, «начало», «власть»).

То обстоятельство, что родовое общество первоначально строилось по материнской, а не по отцовской линии и что начально возник матриархат, определяется не только указанными причинами, т. е. неизвестностью отца и пр., но имеет и гораздо более глубокие корни и основания. Таковы характер общественного разделения труда между полами и та хозяйственная роль, которую играет женщина на данной стадии развития общества.

Буржуазная наука создала вымышленную конструкцию, по которой развитие первобытного человечества шло двумя путями: одни племена и народности, притом только земледельческие, прошли через фазу матриархата и остались отсталыми, другие, скотоводческие, к которым обязательным образом относят так называемые «арийские» народности, никогда этой фазы не проходили, матриархата не знали, пошли по пути патриархального строя, возвысились до создания государства и пр. Эта нелепая «неарийская теория» матриархата, как и проводимое здесь деление на исконно земледельческие и скотоводческие народы, грубо противоречит всем фактическим данным. Через стадию матриархата прошли все племена и народности, совершенно независимо от того, какие отрасли производительной деятельности у них по местным историческим условиям развивались. Надо только сказать, что в прямой связи с общим развитием данного племени или данной народности матриархат мог в каждом обществе развиться в большей или меньшей мере. У племен малоразвитых, не пошедших дальше собирательства, примитивной охоты и рыболовства, например, у тех же австралийцев, и матриархат мог развиться лишь в незначительной мере. Верно, с другой стороны, то, что мотыжное земледелие, при той роли в нем женщины, о которой мы знаем, явилось весьма благоприятным условием для развития матриархата. Таким образом, матриархат является универсально-исторической стадией в развитии всего человечества, но вместе с тем таким общественным строем, который получил в различных конкретно-исторических условиях большее или меньшее развитие. Современный этнографический мир насчитывает длинный ряд обществ, сохранивших матриархальный строй на различных стадиях его развития. Мы имеем здесь общества, представляющие лишь ранние неразвитые формы родового строя, а тем самым и матриархата (некоторые племена австралийцев, негры Конго, индейцы Южной Америки и др.), и общества с высокоразвитым родовым строем, консервативно сохранявшие в недавнем прошлом или сохранившие до наших дней высокоразвитый матриархат (ирокезы и гуараны в Северной Америке, наяды в Индии, минангкабау на Суматре и др.). Наконец, мы имеем длиннейший ряд племен и народностей, у которых матриархат сохранился в том или ином пережиточном состоянии в зависимости от общего развития и совершающегося распада этих обществ.

Имеющийся, таким образом, обширный материал дает нам возможность представить себе структуру и внутренние отношения развитого матриархального общества.

Основную ячейку такого общества составляет *материнская семья*, или материнская коммуна. Это — довольно большая группа ближайших родственников по женской линии, состоящая из женщин и мужчин с потомством первых в трех—четырех поколениях. Численность такой семьи достигает ста и более человек.

Развитой матриархат знаменуется переходом к новой форме брака: от группового к так называемому парному. Здесь уже в браке соединяются одна определенная пара, однако соединение это остается все же относительно недолговременным и легко расторжимым. Более того, этот брак сначала еще не ведет к совместному поселению супружеского, каждый из них остается жить в своей материнской семье (так называемое *дислокальное поселение*), и брачные отношения имеют форму визитов обычно мужа к жене, иногда наоборот. С развитием и упрочнением парного брака один из супружеских переходит на жительство в семью другого, обычно муж — в семью жены (*матрилокальное поселение*), иногда наоборот (*патрилокальное поселение*). Поскольку самий брак все же остается временным и непрочным, ни муж, ни жена не входят в чужую семью и не образуют самостоятельной хозяйственной ячейки. Более того, отец остается чужим своим детям, дети часто даже не знают, кто их отец.

Наряду с парным браком сохраняются порядки, обусловленные экзогамией, и пережитки группового брака. Это имеет различные формы, причем некоторые из них сохраняются надолго и оказываются широко распространенными. Начало экзогамного группового брака выражается, например, в том, что попеременно браки заключаются обычно между членами двух определенных родов и даже двух материнских семей. При таких условиях муж и жена оказываются двоюродными братом и сестрой, если считать по отцовской линии. Этот так называемый *кузенский брак* — самая распространенная, традиционная и обычная форма многих племен и народностей. И у некоторых развитых народов считается, что кузены как бы предназначены друг другу в супруги. Другими пережитками группового брака и экзогамии являются *полиандрия* (греч. *polus*, «много», *androi*, «мужья»), или многомужество, форма, правда, весьма редко встречающаяся, и *сорорат* (лат. *soror*, «сестра»), порядок, по которому один мужчина женится на двух или нескольких родных или двоюродных сестрах. В дальнейшем превращении сорорат выражается в том, что вдовец должен или может жениться на сестре умершей жены, причем последняя может, а иногда и должна, если свободна, выйти за него замуж. Обратный порядок называется *левиратом* (лат. *levir*, «деверь», брат мужа): здесь вдова обязана или имеет право выйти за брата своего умершего мужа, а последний, если свободен, либо имеет право, либо обязан в таком случае жениться на ней. Оба эти порядка остаются широко распространенными пережитками.

Замечательной чертой брака при матриархате является то, что заключается он преимущественно по инициативе женщины, а не мужчины. Девушки при матриархате свободно сами выбирают себе мужа. Так, у одного из племен алгонкинов в старину девушка сама начинала свататься к понравившемуся ей молодому человеку через какое-либо третье лицо. Если результат был благоприятным, она начинала ежедневно приносить своему жениху пищу, делая это в течение примерно одного месяца. Затем после несложных церемоний мать невесты сооружала для нее отдельную хижину рядом со своей и муж переселялся к жене. Вообще заключение брака при матриархате обычно бывает обставлено самой несложной обрядностью. Еще проще, например, заключение брака у одного из меланезийских племен на острове Добу. Молодой человек начинает посещать девушку. Если они хотят закрепить эти отношения, то утром выходят и садятся вместе на цыновке перед входом в хижину в присутствии матери девушки. Собирается народ и молча смотрит. К этим молчаливым «смотринам» и сводится вся церемония. Публика расходится и молодые начинают жить вместе.

Столь же несложен при парном браке и развод, который может произойти по желанию как мужа, так и жены. Если брак матрилокален, т. е. муж живет в семье жены, то в случае неудовольствия жены или ее родни

мужу просто дают понять, чтобы он забрал свои личные пожитки и удалился, и ему остается только покорно это исполнить. При дислокальном браке дело еще проще: жена заявляет мужу, чтобы он прекратил свои посещения. Все же и развод получает некоторое публичное оформление. Так, у племени кхаси в северо-восточной Индии о состоявшемся разводе объявляют по селению особый глашатай. Он идет и кричит: «Слушайте, такие-то развелись. Эй, ты, молодой человек, ты можешь пойти и любить такую-то, а ты, девушка, можешь любить такого-то. Теперь нет помех!».

Материнская семья представляет собой единую тесно сплоченную хозяйственную ячейку, маленькую крепкую общину-коммуну, живущую отдельным домом или целой усадьбой. Все имущество семьи, за исключением предметов чисто личных, — коллективно. На таких же строго коллективных началах основано производство и потребление. Во главе материнской семьи стоит старшая женщина. Она руководит всей трудовой деятельностью всех членов семьи. Под ее руководством готовится пища на всю семью на одном общем очаге, а если их несколько, то на очаге старшей. В развитом матриархате старшая приобретает и некоторую власть, оказывая влияние и на личную жизнь членов семьи, как женщин, так и мужчин, в частности, например, играет немаловажную роль при заключении брака. Личное положение женщины при матриархате совершенно равно положению мужчины. Все наблюдатели современных матриархальных обществ отмечают свободный и независимый вид женщин. Не утаим и греха: наряд женщины при матриархате отличается обилием украшений. Еще одна черта — рождение как мальчиков, так и девочек в матриархальной семье встречается с одинаковой радостью, но в развитом матриархате начинают предпочитаться девочки. Отношения между супругами скорее товарищеские и, конечно, о каком-либо дурном обращении мужа со своей женой здесь и говорить не приходится; ибо достаточно мужу позволить себе что-либо подобное, чтобы брак немедленно был расторгнут. Несколько неладно все же становится положение мужа в развитом матриархате. При дислокальном поселении женатый продолжает работать на свою материнскую семью, при матрилокальном — ему приходится иногда работать «на два дома». И в ряде других отношений развитой матриархат обнаруживает тенденцию к перерастанию в такой строй, в котором господство принадлежит женщине за счет некоторого принижения имущественного и личного положения мужчины. Можно, пожалуй, сказать, что если бы матриархат развился и далее, то мужчина оказался бы здесь в таком положении, в каком оказалась впоследствии женщина при патриархальном строе.

Совокупность большего или меньшего числа материнских семей образует *материнский род*, или матриархальную родовую общину. И этот коллектив в ряде отношений представляет хозяйственное единство, которое здесь ограничивается преимущественно производственной стороной. В основе материнской родовой общины лежит совместное коллективное владение и пользование родовой общинной землей. Род образует отдельное селение или, если он велик, несколько смежных селений. Крупные работы, требующие соединения многих сил, например, расчистка нового участка земли, выполняются всем родом коллективно. Наиболее интенсивно эксплуатируемая земля, если род велик, разделена по семьям, в зависимости от численности каждой. В отдельных случаях и иные земледельческие работы, вплоть до уборки урожая, производятся коллективно всем родом и собранное делится по семьям. Часть урожая идет в общеродовой запас, служащий фондом на случай какого-либо бедствия или для помощи отдельным нуждающимся семьям. Во главе материнского рода стоит старшая женщина старшей в роде семьи. В своей деятельности она всегда считается с мнением других старших женщин рода. Наконец, совокуп-

ность материнских родов, сохраняя деление на фратрии, о которых мы говорили, образует племя. Последнее, в свою очередь, иногда также возглавляется женщиной. Но племя имеет свою особую историю, которой мы займемся впоследствии.

Дальнейшее развитие производительных сил дает начало хозяйственному и общественному преобладанию мужчины и переходу к новой организации общества — *патриархату* (греч. *pater*, «отец», *arché*, «начало», «власть»). Как мы уже знаем, с развитием земледелия в его подсечно-огневой форме охота отмирает и хозяйственное значение ее падает. Происходит перестройка общественного разделения труда по полу. Мужчина, бывший преимущественно охотником, начинает втягиваться в земледельческое производство. Этот процесс ускоряется с началом скотоводства и переходом к служному земледелию. В то же время развивающееся, как уже говорилось, в особую отрасль домашнее хозяйство все больше притягивает к себе женщину. В конкретных условиях более интенсивно развивается рыболовство, в свою очередь дающее активное место мужскому труду. Наконец, и тогда, когда при особых обстоятельствах специфически развивается охота, мужчина здесь, конечно, остается главным производителем. Таким образом, переход от матриархата к патриархату не связан с какой-либо определенной отраслью производительной деятельности, например, только со скотоводством, как это утверждают некоторые буржуазные ученые. Матриархат и патриархат — две универсально-исторические прогрессивные стадии истории первобытного общества. Переход от одной стадии к другой совершается во всех тех случаях, когда в силу конкретных условий меняется соотношение полов в производстве и преобладающее значение в нем приобретает мужчина. Можно только сказать, что скотоводство действительно особо благоприятствует развитию патриархата, однако потому только, что развитое скотоводство и само является по отношению к другим отраслям производительной деятельности первобытности более высокой формой, что переход к нему совпадает с мощным подъемом производительных сил, новым общественным разделением труда и возникновением новых производственных отношений.

Как было сказано, матриархат в различных обществах, в конкретных исторических условиях, достигает большего или меньшего развития. В зависимости от тех же конкретных условий, раньше или позже происходит переход от матриархата к патриархату. Мы, таким образом, вновь наблюдаем неравномерность и своеобразие развития отдельных обществ. Но, сверх того, большую роль в истории первобытных обществ играли внешние воздействия, а именно, связанные с указанной неравномерностью развития влияния более развитых обществ на менее развитые. Такие влияния, в частности, неминуемо ускоряли переход от матриархата к патриархату. При этом в малоразвитых обществах, например, находящихся на стадии собирательства и охоты, с малоразвитым, нестойким родовым строем, переход этот, соединяясь с общим распадом, выливался в специфические формы, и вновь слагавшиеся здесь патриархальные отношения имели совершенно особый характер. Если говорить о современном этнографическом мире, то не приходится указывать на то, какое разрушающее влияние имела в указанных отношениях колонизация. Вот почему мы сейчас имеем крайне отсталые общества, например, австралийцев, у которых матриархат, остававшийся малоразвитым, подвергся полному или почти полному разрушению и господствуют, в весьма специфической форме, своего рода патриархальные отношения.

Переход от матриархата к патриархату выражается прежде всего в том, что материнская семья превращается в новую общественную ячейку — большую патриархальную семью. Вместе с тем одно из важнейших проявлений этого перехода составляет возникновение новой формы брака, а

именно моногамии (греч. *төпос*, «один», *гаттос*, «брач»). От недолговременного и непрочного парного брака человечество начинает переходить к прочному, почти нерасторжимому соединению мужчины и женщины, образующих вместе с их потомством особую общественную ячейку. С этого же времени утверждается патрилокальное поселение супружеское; женщина, с выходом замуж, отрывается от своей семьи, навсегда переселяется в семью мужа и становится основной трудовой силой в домашнем хозяйстве этой новой для нее семьи. Но матриархальное начало сохраняет еще свою живучесть. Дети, по действующему еще порядку материинского родства, принадлежат к родовой группе своей матери. И вот, на этом переходном этапе действует весьма своеобразный порядок. Родившиеся в семье своего отца дети рано или поздно уходят отсюда и переходят в род и семью своей матери, т. е. к своим материинским дядям. При таких условиях в этот переходный момент семья состоит из мужчин, их жен и сестринских племянников этих мужчин, тогда как сестры этих мужчин и родные дети последних к данной семье не принадлежат. Такая оригинальная семья — распространенное явление у многих современных народностей, находящихся на стадии перехода от матриархата к патриархату. Но наступает решающий момент, и отец, ломая этот переживающийся матриархальный порядок, удерживает у себя своих родных детей. В дальнейшем пережитке все же сохраняются известные взаимоотношения между дядями и их сестринскими племянниками, живущими уже у своих родителей, своеобразный комплекс порядков и обычаяев, получивший название *авункулата* (лат. *авунculus*, «дядя по матери»). На этом же знаменательном рубеже счет происхождения и родства по материинской линии переходит в отцовскую линию. Так, матриархальный дядя превращается в патриархального отца, семья из материинской превращается в отцовскую, жена и дети оказываются под властью мужа и отца — домовладыки. Произошло событие, которое Энгельс назвал «всемирно-историческим поражением женского пола»¹.

Переход к моногамии и прочной патрилокальности сопровождается характерными переменами в формах заключения брака. Женщина — трудовая сила; отпуская ее, семья требует известной компенсации. Первоначально это выражается в подарках, которые жених при содействии своей семьи приносит семье невесты, в первую очередь и в особенности ее матери, затем братьям, материинскому дяде и пр. С другой стороны, выходящая замуж женщина, покидая свое хозяйство, получает некоторый выдел из коллективного имущества семьи. Этот выдел в развитом матриархате образует личное имущество замужней женщины, отдельное от имущества мужа, имущество, которым замужняй свободно распоряжается и которое в известной мере составляет основу ее личной независимости.

С утверждением моногамии развивается *похищение* женщин. Согласно старому, ставшему весьма распространенным взгляду, похищение было якобы самой ранней формой заключения брака. В свете фактов этот взгляд оказался совершенно неверным, но вместе с тем и весь вопрос о похищении женщин оказался гораздо более сложным, чем это представлялось. Надо выделить прежде всего похищение замужней женщины. Это явление могло возникнуть уже с возникновением индивидуального, т. е. парного, брака и развиться при переходе к моногамии в качестве своеобразной реакции против индивидуализации брака. Похищение незамужних женщин могло развиться как реакция против норм экзогамии, стесняющих свободу выбора в браке. Наконец, похищение связано с переходом к патрилокальности, являясь выходом из положения тогда, когда семья невесты или она сама отказывались нарушить традиционную матрилокальность женщины. Во всех перечисленных формах похищение могло про-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 40.

исходить не только против желания, но и с согласия самой похищаемой и лишь против воли ее близких. Все это относится к похищению в пределах племени. В отдельных случаях могло иметь место и похищение женщин чужого племени. Но и этим разнообразие форм похищения не ограничивается, и это явление имеет свою дальнейшую историю, к которой мы еще вернемся.

С переходом к моногамии развивается обрядовое оформление брака. Первоначально брачный обряд остается попрежнему очень простым. Нередко он сводится только к торжественному обмену подарками между женихом и невестой, к их совместному питью из одного сосуда или вкушению какого-либо блюда. К обмену подарками восходит происхождение обручального кольца, имеющего вместе с тем и характер символа связи. С течением времени брачный обряд вырастает в сложную церемонию *свадьбы* — длительный и многообразный цикл различных обрядов и церемоний, имеющих и актовое, и символическое содержание и отражающих различные моменты истории брака и взаимоотношений между родами жениха и невесты. Особые церемонии, — обрядовый плач невесты, ее сопротивление и пр., отражают момент отрыва женщины от своей родни и переход к «чужим». Заключительный обряд этого цикла — самая свадьба приобретает характер празднества, в котором свадебный пир, развивающийся из первоначальной символической совместной трапезы молодых, занимает центральное место. Отсюда и термины различных языков: брак — от древнерусского *брашно*, «пиршество», украинское *весилье* и пр. Остается упомянуть, что с переходом к моногамии все более затрудняется расторжение брака.

Большая патриархальная семья имеет в литературе и иные названия: семейная община, домовая община, патриархальная домашняя община. Это — хозяйственная группа, состоящая из трех-четырех поколений ближайших родственников, потомков одного отца, с их женами и детьми, иногда с зятьями и иными принятными в семью родными. Численность ее достигает ста и более человек. Классическим образом патриархальной семьи является югославянская *задруга*. В России такая группа именовалась в различные эпохи и в разных местностях — «огнище», «печище», «дым», «дом» и пр.

В основе хозяйства патриархальной семьи лежит коллективное владение землей и основными орудиями производства. В индивидуальном обладании находятся лишь предметы личного пользования. Как производство, так и потребление ведется коллективно. Патриархальная община является в значительной мере замкнутым натуральным хозяйством. Земля, которой семья владеет, получается ею в виде надела из общеродового земельного фонда. Время от времени, в зависимости от изменения числа «едоков» в семьях, земля переделяется. Управление патриархальной семьей строится первоначально на демократических основаниях. Глава ее — «старший» мужчина, старший по возрасту, иногда и помоложе — выборный. Но он лишь организатор и руководитель хозяйства. Во всей своей деятельности «старший» строго считается с мнением всех взрослых членов семьи. Наряду со «старшим» мужчиной патриархальная семья возглавляется и «старшей» женщиной, обычно женой «старшего». Она ведает всеми женскими работами семейного хозяйства. Довольно стойко переживаются матриархальные порядки, и «старшая» обладает значительной властью не только над женщинами, но и над молодыми мужчинами дома. Женщина все-таки надолго остается «хозяйкой дома».

Когда патриархальная семья разрастается, ведение единого домашнего хозяйства оказывается затруднительным или невозможным. Это в особенности сказывается в области потребления. Готовка пищи, например, на очень большую семью становится все более затруднительной. Это хорошо

выражает старинная осетинская формула: «огня не хватает на всех». Возникают *разделы*. Семья разделяется на две или несколько частей, причем раздел совершается между старшим поколением. Разделившиеся и вновь разросшиеся семьи сохраняют между собой более или менее тесную связь: они владеют смежными наделами земли, часто соединяются для коллективной работы, помогают друг другу и пр. Они помнят о своем близком родстве и общем происхождении. Они — дети одного отца-предка, по другой выразительной старинной осетинской формуле — «от одного огня разошедшиеся». Такая группа родственных семей остается в известной мере общественным коллективом — так называемой *патронимией*. Ее характерным внешним отличием является общее имя. Это — распространенные во многих языках наименования, состоящие из собственного имени предка и так называемой патронимической приставки, означающей не что иное, как «дети», «потомство», «сыновья». Таковы «ичи» или «овичи» славянских языков, греческ. *īdes*, латинск. *ap̄i*, англо-германск. *ing*, *ung*, переходящие в *ingeñ*, *ungen*, скандин. *sōn*, грузинск. «швили» и «дзе», армянск. «ъянц», тюркск. «оглу», «оглы» и т. д. То же значение имеет шотландская приставка *mac*. Патронимия становится и названием селения, занятого данной родственной группой — *топонимией*. От патронимий ведут свое происхождение многие фамилии: Василькович, Горунг, Нильсен, Мак-Дональд и пр.

Совокупность патриархальных семей и патронимий образует *патриархальный род*, или патриархальную родовую общину, образующую отдельное селение или, если род велик, несколько смежных селений. В основе родовой общины лежит коллективное владение землей, получаемой родом из общей земли племени. Из этого фонда и производятся наделы землей отдельным семьям, причем в надел идет усадебная и пахотная земля, а земли менее интенсивно используемые — пастбища, луга, лес и пр. — остаются в коллективном владении и пользовании всего рода. Патриархальная родовая община в известной мере сохраняет и производственное единство, выражющееся в общих работах, где требуется соединение труда большого коллектива.

Управление родовой общиной также носит первоначально демократический характер. Ее возглавляет по общему правилу глава старшей в роде семьи, а главы остальных семей образуют общий совет рода. Однако и все взрослые члены рода имеют влияние на общественные дела, особо важные вопросы решаются на общих собраниях всего рода. Пережитки матриархата выражаются в том, что известное влияние сохраняют и женщины. С развитием патриархального строя голос мужчин приобретает исключительное значение. Внутри рода действуют веками складывающиеся обычаи и правила и царит строгий порядок. Мерами воздействия по отношению к нарушителям этого порядка служат насмешка, увещание, внушение, а для непокорных и более суровые меры — изгнание или убийство. Наиболее знаменательную черту первобытно-общинного строя составляет то, что власть в этом строе представлена авторитетом и влиянием старших, опытных, отличившихся в какой-либо области, но нет в нем места для господства и угнетения, нет никаких оснований или возможностей для эксплуатации человека человеком. Интерес коллектива стоит выше, чем интересы индивида, но личность человеческая свободна и в общественном отношении ничем не ограничена в своих творческих возможностях.

Совокупность родов составляет племя, владеющее общеплеменной землей и управляемое советом, состоящим из глав всех родов. Старейший из этих глав является главой племени.

Какой-либо иной власти, стоящей над племенами, в первобытном обществе, конечно, не существует. Поэтому междуплеменные отношения

складываются на тех основаниях, которые вытекают из сущности человеческого общества как организации труда.

Эти отношения классовая наука, как нам пришлось уже говорить, исстари воображала себе в двух вариантах: в виде идеального райского состояния мира, с одной стороны, и в виде звериного состояния вечной борьбы, с другой. То и другое совершенно фальшиво. Тогда как гипотеза первобытного рая давно уже оставлена, другая позиция стойко удерживалась на протяжении всей истории классовой мысли, дожив и до наших дней. Наиболее решительное свое выражение этот тезис получил у философа XVII в. Томаса Гоббса, определившего начальное состояние человечества как «войну всех против всех». Этнографический материал убеждает в полной вымыщенности этого знаменитого тезиса феодально-буржуазной мысли.

Среди современных отсталых племен, если только они не натравливаются одно на другое в условиях европейской колонизации, бывают, конечно, столкновения, но они сравнительно очень редки, ибо при наличии земельного простора для таких столкновений нет и не может быть постоянных поводов и оснований. Наиболее древней причиной между-племенных столкновений оказывается нарушение племенных границ. Принцип неприкословенности племенной земли и защита ее границ — древнейшие и самые исконные начала человеческого общества. Защита племенной границы — самый священный долг первобытного человека, подымающий всех членов племени как одного. С развитием между-племенных отношений возникают, конечно, и иные уже мелкие поводы столкновений, оскорблений, иногда похищение женщин и пр. Нарушение неприкословенности границ, а иногда и иные посягательства на достоинство племени, влекут за собой не только самозащиту, но и мстительное нападение на противника. Организуется поход добровольцев. В таких случаях женщины хотя и не принимают прямого участия в походе, но нередко являются зачинщицами. Воины тщательно готовятся к походу, готовят оружие и пр., причем немаловажная роль приписывается различным устрашающим противника средствам, окраске тела, маскам и пр. Возбуждение воинов и их предварительная тренировка выливаются в военную пляску.

Первобытный человек, конечно, не ангел, и если мстит за оскорбление и если ему удается взять верх над противником, то тут уж не до нежностей. Врагу нет пощады, при возможности избиваются все, в плен берут только женщин. Впрочем, развивается и пленение мужчин, но в таком случае пленный, в особенности по настоящию женщин, — иногда для того, чтобы заместить убитого члена семьи, — усыновляется и тогда становится равноправным членом усыновившего его племени. Возникают и развиваются понятия и идеалы храбрости, доблести и в качестве вещественных их свидетельств — военные трофеи, принимающие иногда весьма суровые формы, например, пресловутого скальпирования у индейцев. Погоня за военной славой и трофеями принимает у индонезийских и океанийских племен форму «охоты за черепами».

Если данное племя ожидает нападения, то прибегает ко всем «дикарским» способам самозащиты; особо широко практикуется засада. Когда сходятся два отряда противников и если силы примерно равны, то до настоящего сражения у отсталых племен дело почти никогда не доходит. Все наблюдатели единогласно подчеркивают крайне малую кровопролитность таких столкновений. Дело преимущественно сводится к взаимной брани, оскорблению, потрясанию оружием. Пускается несколько стрел, но лишь только на какой-либо стороне оказывается один—два раненых или убитых, противники расходятся, правда, чтобы рано или поздно прежние обиды вспомнились вновь. Уже очень рано возникает особый способ

разрешения конфликта — единоборство или *поединок* одной или нескольких пар противников. Весьма рано развиваются и разные формы мирных «дипломатических» способов улажения конфликтов, причем особую роль играют в таких случаях женщины. Возможно, что женщина и была первым в истории дипломатом.

Если исключить такого рода конфликты, то междуплеменные отношения первобытности надо себе представлять по общему правилу вполне мирными и дружественными. Таковыми оставались эти отношения у многих отсталых племен. Известные английские исследователи австралийцев, Спенсер и Гиллен, говорят, что по общему правилу туземные племена находятся во взаимных дружественных отношениях и если бывают столкновения, то все же нет такого положения, чтобы одно племя было в постоянной вражде с другим.

Во всем этнографическом мире широко распространен обычай взаимного посещения различных групп, принадлежащих к одному или разным племенам, своего рода дружеских визитов. Такие визиты — постоянное и обычное явление у тех же австралийцев. Эскимосы, при всех трудностях сообщения в арктических условиях, постоянно совершают очень далекие путешествия, чтобы посетить своих друзей. Эти взаимные посещения и гощения сыграли крупнейшую роль в развитии культуры в первобытные времена, служа путями и средствами культурного обмена. Визиты нередко приурочиваются к тому времени, когда у данной группы имеется в изобилии пища, к сезону созревания плодов, ко времени улова рыбы, урожая и пр. Постоянную черту этого первобытного гостеприимства составляет то, что если визитеры получают «угождение», то и сами являются не с пустыми руками, принося с собой либо продукты своей местности, либо свои изделия. У австралийцев, например, бывало, что на территорию племени, на которой имелись месторождения кремния, являлось, с разрешения хозяев, другое племя для добычи материала, но обязательно приносило с собой какие-либо продукты или свои изделия. Угощения и приношения имеют чисто добровольный характер, однако, уже рано этот обычай проникается принципом взаимности и обязательности. Отсюда ведет свое происхождение правило, по которому, побывав в гостях, необходимо пригласить хозяев и к себе, получив подарок, необходимо ответить на него отдарком. «Дают подарки, глядят отдарков», «Дар дара ждет», — так формулируют пословицы эти первобытные принципы. Дарение и отдавать составляют бытовое явление, широко присущее всем племенам и народностям. Это многократно описывалось путешественниками. Великий английский естествоиспытатель Дарвин, посетивший во время своего путешествия на корабле «Бигль» огнеземельцев, рассказывает, что когда он подарил одному туземцу большой гвоздь, ничего не прося взамен, тот сейчас же выбрал две рыбы и подал их Дарвину на конце своего копья.

Дружеская связь заключается и устанавливается не только в колективной форме, между группами, но и индивидуальным порядком между отдельными лицами, людьми разных племен. И эти дружеские союзы, и взаимные посещения сыграли крупную роль в истории культуры. И здесь существенной чертой является обмен подарками. Эта форма общения имеет дальнейшую историю, к которой нам еще придется вернуться. Отметим только, что одной из позднейших форм этих дружеских отношений является славянское *побратьство* и *посестричество*, заключение дружбы, приравниваемой к кровному родству, что символизируется взаимным питьем крови и пр. Долг побратимства — помощь и защита во всех случаях жизни, в известной мере общность имущества.

Первобытные дружественные связи и обмен подарками дают форму для возникновения хозяйственного обмена. Здесь уже продукты и изделия

заготавливаются специально для обмена и тем самым для получения необходимых хозяйствству чужих благ. Объектами такого обмена служат как местные продукты природы, так и местные изделия. Поэтому обмен особо интенсивно развивается между обитателями различных местностей, например, прибрежными жителями и жителями внутренних районов. Раз возникнув, обмен быстро и широко распространяется и интенсивно поддерживается. Благодаря обмену отдельные предметы получают исключительное распространение и, переходя от группы к группе, попадают в самые отдаленные места. О том, с какой быстротой совершается такая циркуляция новых предметов, можно судить по следующему факту. Один из путешественников по Новой Гвинеи, прия в новое селение, в котором никогда еще не бывали европейцы, нашел здесь медные пуговицы, которые в одном из прежде посещенных им селений были срезаны туземцами с мундиров сопровождавшего этого путешественника военного конвоя. Пуговицы прошли свой путь быстрее, чем европеец-путешественник. Помимо описанных коллективных и индивидуальных форм обмена, уже у весьма отсталых племен возникают и особые места для встреч, куда в известное время собираются различные группы специально для обмена. Так возникают *базары*.

В начальном хозяйственном обмене действует только возникший уже при обмене подарками принцип взаимности и обязательности. Это значит, что за каждую вещь должно быть дано в обмен требуемое другой стороне. Но в этом первоначальном обмене совершенно отсутствует понятие стоимости и соответствия стоимости обмениваемых благ.

Вытекая из чисто материальных оснований — хозяйственных потребностей человека, обмен в своем возникновении, как мы видим, теснейшим образом связан с бытовыми общественными отношениями. С течением времени обмен становится самостоятельным и чисто хозяйственным явлением, все еще сохраняя свой примитивный, выражющийся в особенностях в отсутствии понятия стоимости, характер. Лишь в дальнейшем своем развитии, с чем мы еще встретимся, обмен приобретает новый, торговый характер.

